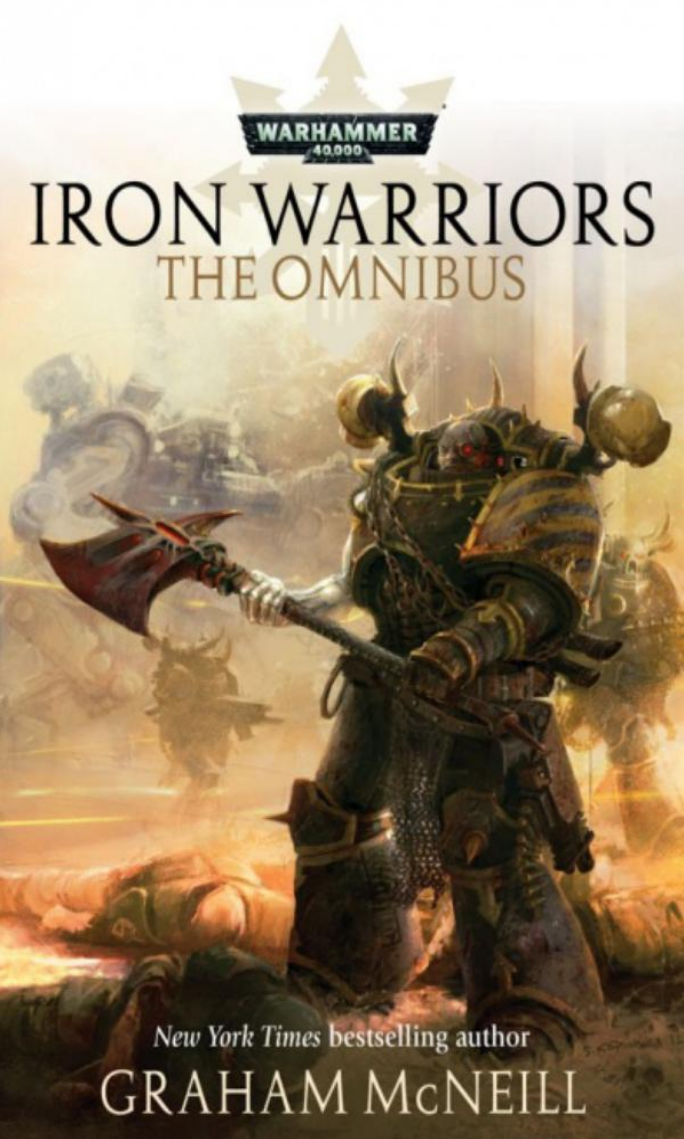

The cover art features a central Iron Warrior, a heavily armored Space Marine, standing amidst a battlefield. The warrior is clad in dark, ornate armor with yellow and red accents, including a helmet with a visor and a large, curved horn. He holds a large, double-bladed battle-axe. The background is a hazy, golden-brown landscape with other warriors and structures in the distance. At the top, a large, stylized Iron Warrior head is visible, with the Warhammer 40,000 logo and the title text overlaid.

WARHAMMER
40,000

IRON WARRIORS

THE OMNIBUS

New York Times bestselling author

GRAHAM McNEILL

THE ENEMY OF MY ENEMY

Враг моего врага

Г. Макнилл

Мужчина, которого схватил Обакс
Закайо, был слишком слаб и не смог даже
закричать, когда тот

швырнул его в зубастую пасть плавильной печи. Очередное зверство, и никто из рабов даже не поднял

головы -- никто не остелился. В гневе Закайо был непредсказуем, выбирал жертв совершенно

случайно и по чистой прихоти мог выместить злобу на любом из рабов, заточенных в этот жарком аду.

Ужасный гигант пошел дальше в оранжевом таре, которое заполняло храм-кузницу; вокс-усилитель,

установленный на вороненом наплечнике его доспеха, изрыгал команды вперемешку со скрипом

статки. Пластины его силовой брони окаймляли черно-желтые шевроны, а каждый шаг

сопровождался шипением пара, который вместе со зловонной черной жидкостью вырывался из

трубок, оплетших сочленения доспеха. Воин был вооружен устрашающего вида ценным топором и

потрескивающим энергетическим
кнутом, который, извиваясь, висел на
козле механической клешни,
установленной на его спине.

В клубах пара и выхлопных газов то и
дело мелькали языки пламени; от
шлифовальных станков летели

крупные желтые искры, из огромных
котлов -- каждый размером больше, чем
голова титана -- в

литейные формы вытекали потоки
раскаленного металла. Роль погонщиков
выполняли чудовищные,

отверзительные существа в масках из
вулканизированной резины с круглыми
стеклянными окулярами;

от масок к баллонам, закрепленным на
спинах тварей, тянулись рифленые
шланги. Щелкая шипастыми

кнутами, существа ковыляли по
грохочущей кузнице, булькающими
голосами отдавая команды сотням
рабов.

Тот факт, что изможденные люди могли

выживать и работать в таких ужасных условиях, несмотря на крайнюю степень истощения, свидетельствовал о стойкости их воли — именно она поддерживала в них жизнь со дня пленения. Никто из рабов не знал, сколько времени прошло с тех пор, как их, доблестных защитников имперской цитадели, доставили в цепях на эту кошмарную планету. Планету, в ослепительно белом небе которой горело черное солнце, темными лучами освещавшее исполинский город со столь безумной архитектурой, что можно было сойти с ума, если просто смотреть на нереальную геометрию зданий слишком долго.

На эту планету, которую местные обитатели называли Медренгард, было привезено около трех тысяч пленников, но теперь в живых оставалось меньше четверти. Удары кнута, побои и

скучная еда

превратили плен в смертный приговор, исполнение которого растянулось на долгие дни.

Оскаленная торга, которая виднелась в конце центрального прохода кузницы, взревела, наполнив

помещение хриплым воплем ярости. Именно энергия варна, исходявшая от скованного демона,

обеспечивала безостановочное движение гигантских поршней, именно его гнев раскалял горны

звездным жаром. Золотые инкрустации обереги на полу надежно связывали демона, и его огненный

взгляд блуждал по кузнице, вызывая в людях безумие и жажду крови. Но хозяева кузницы считали

такую цену приемлемой и с готовностью ее платили: Железным Воинам было все равно, что каждый

день уносит сотню или больше рабов — на место сотни встанет тысяча, и эти

пленные бѣгутъ работать, пока смерть не
придетъ и за ними.

Три гусеничныхъ бульдозера, сквозь
метровый слой пепла тащившие за собой
ржавые баки, въехали

прямо въ кузницу. Машинати управляли
такие же твари въ резиновыхъ масках; не
успели они

остановиться, какъ рабы бросились къ
бульдозерамъ и, перегнувшись черезъ края
баковъ, стали

вычерпывать жидкое сероватое варево,
которое плескалось на дне. Когда-то они
считали другъ друга

братьями и плечо къ плечу сражались
противъ темныхъ силъ; теперь же они били и
пинали бывшихъ

товарищей въ кровавой драке за жалкие
объѣдки, которые выдавали имъ хозяева.

Сержантъ Эллардъ осторожно пробрался
сквозь толпу къ истощенному человеку,
который сиделъ

сгорбившись и опустивъ голову къ коленямъ.
Спутанные, грязные волосы, когда-то

светлые, а теперь

приобретшие тусклый серый оттенок, скрывали измазанное неплот лицо.

-- Вот немного еды, сэр, -- проговорил Элларг.

Человек поднял на него взгляд покрасневших, воспаленных глаз, прикрытых слившимися прядями волос, но ничего не сказал.

-- Сэр, вам надо поесть.

-- Зачем?

-- Вы заболаете, если не бдете есть.

-- Мы же и так умираем, Элларг. Об этом позаботится проклятый рак -- подарок Агентус Механикус. Так

какой смысл пытаться отсрочить неизбежное?

Все еще протягивая командиру сложенные пригоршней ладони с кашей, Элларг присел на корточки и

невозмутимо посмотрел на подполковника Михаила Леонида.

-- Потому что мы из 383-го Джуранских

бразун. Мы будем бороться до последнего
вздоха.

-- В точности как Корге, -- сказал Леонид.

-- Что?

-- Неважно. -- Леонид подставил ладони, и
Элларг перелил в них балангу, из которой
состоял весь

рацион пленников. На поверхности серой
жидкости плавали маслянистые разводы
непонятного

происхождения, напминавшие пенистую
накипь. Леонид поднес руки ко рту и начал
пить гадкое

варево, гавясь кусками хрящеватого мяса.
Он не знал, что это за мясо, и не хотел
даже думать о его

наиболее вероятном источнике.

Желудок скрутило спазмом, и Леонид с
трудом сдержал очередной из уже
привычных приступов

тошноты, закрыв глаза, когда
внутренности пронзил резкий укол боли.
Канцерогены, воздействию

которых подвергся и он сам, и весь его

полк, уже начали проявлять себя.

Но Эллард был прав: они солдаты Джурана и Императора, и они не сдаются, даже если превратились в

ходячих мертвецов. Леонид с усилием проглотил остатки каши и увидел, что приближается Обакс

Закайо, этот мерзавец из Железных Воинов, который охаживал сбившихся вместе рабов

энергетическим кнутом, зажатым в обратительной механической клешне.

-- А ну, отребье, поднимайтесь! -- орал он. -- Работа не ждет. Или я сотру ваши кости в порошок и

скормлю вас кузнечному демону! Встать! Встать!

И почему все так обернулось? Леониду казалось, что он уже целую жизнь тучается на этой кошмарной

каторге, но разум подсказывал, что на самом деле времени прошло гораздо меньше -- всего несколько

месяцев с тех пор, как Железные Воины

захватили цитадель Гигры Кордатыс,
заковали пленников в
цепи и отправили их в гүлкие трюмы
тюремных транспортов, ждущих на
орбите.

Когда он смотрел на цитадель в
последний раз, ее стены рушились, огонь
пожирал здания, некогда

величественные, а пространство у Врат
Прощания было усеяно оскверненными,
выпотрошенными

трупами Имперских Кулаков. Предатели
как животных согнали новых рабов на свои
баржи, где их

держали в цепях и избивали до самого
прибытия в это страшное место.

Леонид знал, что галактика огромна и в
ней есть много странного и невероятного,
но этот мир был

чем-то исключительным. Убеленные
седой ветераны рассказывали истории о
планетах,

расположенных внутри страшного региона
космоса, называемого Око Ужаса. Здесь

властвовали

могущественные демоны и слугители
Губительных Сил; здесь боги, чьи имена
нельзя называть,

управляли самой реальностью и меняли
подчиненные им миры согласно своим
безумным прихотям.

Тогда Леонид, как и другие, смеялся над
подобными байками, хотя в смехе его и
звучали нотки страха: а если эти байки --
правда?

Теперь он знал, что так и есть.

Его накрыла тень Обакса Закайо; на фоне
огненных горнов монстр в вороненом
доспехе казался

черным силуэтом.

-- Эй ты, раб. Встань, -- приказал
Железный Воин.

Леонид подчинился. Не выполнить приказ
Обакса Закайо означало смерть, но Леонид,
несмотря на все

удары судьбы, не собирался утирать от
руки этого ублюдка.

Железный Воин наклонился, и пленник,

оказавшись в островке бледного желтого свечения,

исходившего от визора, и почувствовав жар дыхания из респиратора шлема, с трудом сдержал

тошноту.

-- Другие рабы носят тебе еду. Ты среди них главный?

-- Был, -- признал Леонид. -- Раньше.

Обакс Закайо растеялся, и Леониду показалось, что по его нервам пошли ржавые лезвия.

Поддев потрепанный эполет на плече пленника, воин стер слой жирной золы, под которым

обнаружился погон подполковника, когда-то позолоченный.

-- Ты позволил взять себя в плен. За это, раб, боги войны будут вечно смеяться над тобой.

-- Лучше их смех, чем вечное проклятие, -- огрызнулся Леонид.

-- Проклятие? -- устехнулся Обакс Закайо, как будто никогда раньше не слышал этого

слова. -- Пусть так, но у меня есть вечная жизнь. Есть сила. А что есть у тебя?

Ненависть поднялась волной, но Леонид ничего не ответил, держа эмоции под контролем. Все тело у

него болело, он безмерно устал, но поддаваться на провокации Железного Воина он не станет.

Краем глаза он заметил какое-то крадущееся движение, а затем услышал приглушенный вскрик,

донесшийся сквозь грохот кузнечных механизмов и рев плененного демона. Однако Закайо тоже

заметил эти передвижения: он повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как на его плечо упал

стремительно опускается железный лом.

Предатель упал на одно колено, а Леонид отшатнулся назад.

Несколько худых рабов взобрались на блок двигателя передового бульдозера, вытащили водителей

наружу и начали забивать их острыми

кусками твердой руды. Демоническая кузница встретила такую жестокость радостным воплем, и ее обычные стенания превратились в ревущий ураган.

Загрохотали выстрелы, и некоторые рабы упали. Брызнувшая кровь с шипением пролилась в литейные формы, наполняя воздух характерным запахом. Мутанты, управлявшие гвумя и гругими бульдозерами,

попытались дать задний ход, но не успели: разъяренные пленники разорвали их на части, давая выход

гневу, который месяцами рос в них из-за постоянных издевательств и мучений.

Сержант Эллард первым сориентировался в том, что происходит, и бросился к ближайшему

бульдозеру, чтобы помочь пленникам.

-- Разверните его! -- заорал он и указал на центральные ворота кузницы: две группы мутантов толкали

створки, закрывая проход. Понимая, что

это их шанс, Леонид оскалился в устешке —
и тут же согнулся

пополз от мучительного спазма в
животе. Он упал на колени, и его вырвало,
казалось, что вместе с
тухлой баландой выходит вся слизистая
желудка.

Рабати словно завладело безутное
исступление: они избивали мучителей
так, что их тела

превращались в кровавое месиво, и при
этом по лицам пленников, оставляя
полоски в грязи, текли

слезы страха. Наконец одному из
джуранцев удалось добраться до руля
неповоротливой машины.

Бульдозер, над которым прошли несколько
огромных котлов с расплавленным
металлом, рванулся с

места, подняв удрушливое облако золы. С
дикими воплями радости пленники
забрались на машину, и

та двинулась к воротам, за которыми
виднелось ослепляюще белое небо.

А потом Обакс Закайо, пригя в себя, погнял руку -- громоздкую конструкцию из переплетающихся

шлангов, шипящих вентилей и оружийных стволов. Леониг хотел окликнуть товарищей, предупредить

их, но от боли в животе не мог издать ни звука. Из руки Обакса Закайо вырвались длинные языки

пламени, и очередь разрывных болтов скосила пленников, цеплявшихся за борт машины. Полилась

кровь, на пол посыпались тела, крики боли эхом раздавались по всей кузнице, а Железный Воин не прекращал огонь.

-- Нет! -- закричал Леониг. -- Хватим!

Призыв Леонига вызвал у Обакса Закайо лишь стех; он рывком погнял бывшего подполковника на

ноги, чтобы тот мог лучше видеть происходящее. Борта машины были залеплены кровью и

внутренностями, и ее вдруг повело вбок, к

стене кузницы -- очередной выстрел срезал
такую

водителя. Возмездие Железного Воина
заставило рабов броситься врассыпную в
поисках укрытия,
забыв про бульдозер.

Леониду, извивавшемуся в руках своего
тюремщика, пришлось смотреть, как
машина врезалась в

подпорки, поддерживавшие рельсы
конвейера, по которому перемещались
огромные котлы с

расплавленным металлом. Тягач
двигался с небольшой скоростью, но его
массы хватило, чтобы

вырвать подпорку из креплений и стянуть
ее. Комел, в тот момент как раз
пересекавший кузницу,

медленно закачался, так же медленно
наклонился -- и сорвался с конвейера.

Жидкий металл, хлынувший на пол, по
температуре не уступал магне и за
секунду превращал в пар все, с чем бы ни
соприкоснулся, -- плоть, кости и железо. В

одно мгновение погибли десятки рабов, а
от

бүльдозера остался лишь шипящий
расплавленный шлак. Алые реки
стертоносным потоком потекли

дальше, и там, где они прошли, от
замысловатых золотых рун в поверхности
пола не оставалось и

следа. Чем ближе расплавленный поток
подходил к горловине печи, тем больше
рун он стирал, и

демон кузницы приветствовал
уничтожение оберегов ликующим ревом.

Внезапно поняв, чем это грозит, Обакс
Закайо бросил Леонида и кинулся к выходу.

Джүранец кашлял,

стараясь восстановить дыхание, а поток
тем временем начал остывать -- скорость
его замедлилась.

Но ущерб уже был нанесен.

Последняя рүна расплавилась, и демон
вырвался на свободу.

Тысячелетия плена не прибавили
милосердия этому порождению варна: он

атаковал в слепой ярости

всех, кто оказался рядом. В сгустке
губительного черного света то и дело
всплывали очертания

неведомых фигур, которые сразу же
растворялись в призрачном веществе, из
которого состоял демон.

Первые жертвы даже не успели закричать
— их плоть уже начала слезать с костей.

Леонид откатился в сторону от темного
щупальца, которое хлестнуло пол,
оставляя на нем шипящий

след. Существо, окруженное черным
светом, напоминало извивающегося спрута
и становилось только

сильнее благодаря страху и ненависти,
пропитавшим кузницу. От него во все
стороны расходились

черные маслянистые отростки; одних они
поднимали в воздух, других рассекали на
куски. На пол

падали уже пустые оболочки тел, в
которых не осталось души.

Чтобы спастись от потока

расплавленного металла, все еще опасно
горячего, Леониду пришлось
вскарабкаться на один из скрежещущих
станков. Каждый хотел взобраться
повыше, и рабы дрались за
безопасные места со звериной
жестокостью. Люди сбрасывали своих
товарищей в огонь, чтобы хоть на
миг проглядеть свою жизнь.
Словно само безумие, обретшее форму,
клубок тьмы разрастался, черные
щупальца удлинялись и
твердели — теперь они пробивали стены и
потолок кузницы с такой же легкостью, с
какой человек мог
бы разрушить кукольный домик. Балки, на
которых держались крыша и дальная
стена, прогнулись и
лопнули с тучительным скрежетом
рвущегося металла. Леонид прикрыл
голову руками, защищаясь от
касада обломков и молясь Богу.
Императору, чтобы тот помог ему
выжить в этом хаосе.

Прошло несколько долгих секунд, прежде чем он понял, что все еще жив и что демон уполз. Он

осторожно посмотрел сквозь пальцы -- и увидел обжигающую белизну неба там, где мстительная тварь

проделала огромную прореху в стене. Сам демон исчез, и только в небе еще виднелась удалявшаяся

черная точка.

Леонид скривился от боли. На это невероятное, отвратительное небо было так же трудно смотреть, как

и на солнце, и он заставил себя отвести взгляд.

От бульдозеров остались только шипящие лужи расплавленного железа. Тут и там из жидкого металла

торчали кости и обуглившиеся фрагменты тел, вокруг которых еще танцевали языки пламени. Грохот,

до этого стоявший в кузнице, стих: без энергии, которую давал демон, станки не могли работать,

толоты и поршни затерли.

Остатриваясь в разоренной кузнице, Леонид с облегчением увидел, что сержант Эллард пережил

разгром, устроенный сбежавшим демоном, -- он как раз выбирался из-за обломков огромной

фрезерной машины.

Эта спонтанная -- и неудачная -- попытка бегства стоила жизни десяткам пленников, а те, кто уцелел, были слишком потрясены случившимся, чтобы воспользоваться временным отсутствием надзирателей. Леонид решил было, что у них еще есть несколько мгновений, чтобы обратить ситуацию

в свою пользу, но в этот миг лязгнули двери кузницы, и на пороге появились с десяток Железных

Воинов, казавшиеся черными на фоне белого неба.

Все оставшиеся надежды на побег развеялись как дым.

Леонид упорно смотрел только на уныло-

серый рокрит платформы, на котором ветер закручивал
спирали пыли и пепла. Он хотел оторваться от кошмарных криков, которые издавали шпалы; небо над головой сияло белым, некуда было скрыться от этой жестокой яркости, на фоне которой солнце казалось зыбким черным провалом злобного глаза. Его окружали товарищи-джуранцы и другие невольники, сбившиеся в плотную толпу, и от запахов крови, страха и вони немытых тел было трудно дышать. Бывший подполковник вздрогнул, когда к этой стесни прибавился демонический страх, принесенный порывом ветра, похожим на вздох утирающего, из пасти недавно образовавшегося туннеля.

Леонид бросил один взгляд внутрь, в беспокойную тьму. Голова сразу же начала раскалываться от

боли: его органы чувств не могли справиться с образами других реальностей, возникавшими и

исчезавшими под лязг клинков и колокольный звон. Каждая клетка тела вибрировала в ответ на

резонансные частоты, которые исходили от этой раны в ткани вселенной, от этого межпространственного гнойника -- а он все увеличивался, источая волны страданий и скверны.

Наступило напряженное затишье, как перед бурей. Что-то приближалось, что-то столь древнее и

ужасное, что разум Леонида не мог даже представить масштабы этого зла.

Но потом Обакс Закайо заслонил от него туннель, и наваждение развеялось.

-- Да, раб, ты чувствуешь его прибытие? Это Омфал Демониум.

Леонид не ответил: проклятое имя, произнесенное вслух, вызвало новый болевой спазм во

внутренностях, и он в очередной раз

пожалел, что не умер по пути к этому
злосчастному месту.

Его бывшие подчиненные кровью
заплатили за неудавшийся побег. Те, кто
пережил освобождение
демона, в страхе сжимались перед
Обаксом Закайо, чтобы затем погибнуть
под ударом его кулака.

Пленников вытаскивали из укрытий и
бросали в давяльные станки, засовывали в
гробилки, окунали в

ванны с расплавленным металлом.
Конечности превращались в окровавленные
обрубки, кости -- в пыль,

тела -- в дряблые мешки. Все возможные
виды боли, все виды мучений -- в своей
местности Железные

Воины не забыли ни один из них.
Предатели, одержимые желанием унижить
и растоптать врага, за
считанные минуты утертвили сотни
рабов.

Потом Обакс Закайо поднял Леонида на
один уровень с разбитым визором своего

шлелта:

-- Ты у них главный.

-- Нет, -- выдохнул Леонид. -- Я же говорил тебе, я не...

-- Но они все еще считают тебя лидером, -- перебил его Железный Воин. -- И поэтому некоторых из них я

сейчас убью. Или ты заставишь своих людей повиноваться, или я убью их всех. Не тебя -- их. Всех.

-- Но...

-- Молчать! -- рыкнул Обакс Закайо. -- Делай, что сказано. Без демона в кузнице от вас нет никакого

проку, поэтому вас отправят работать в оружейных мастерских Кузнеца Войны Хонсю. Попробуете

сбежать от него -- и узнаете, как наказывают по-настоящему.

Рабов, которых не скортили машинами, вывели наружу и погнали дальше -- в лабиринт из

фортификационных сооружений, утыканных лезвиями, и километров

траншей, стены которых были облицованы рифлеными металлическими листами. Бронированные блокгаузы и доты щетинились немыслимо огромными орудиями, пространство между огневыми точками было заполнено непроходимым переплетением колючей проволоки.

Далекій гүл артиллерии не столкнулся ни на миг, но оставалось только гадать, кто выведет сражение и

зачем. Путешествие к неведомому Кузнецу Войны Хонсю стоило жизни десяткам рабов: они валялись с

ног от голода и усталости, не выдерживали жестоких побоев или гибли, просто потому что

подвернулись Обаксу Закайо под руку.

Узурпаторский переход длился несколько дней, хотя на планете, где солнце никогда не садилось, а

небо не темнело, само понятие времени теряло смысл. Каждый новый день

приносил новые ужасы,
новую скверну: ряды выпотрошенных тел
вдоль дороги, люди и ксеносы вперемешку,
некоторые

трупы настолько изуродованы, что
определить, кем они были при жизни, уже
невозможно. Башни из
черепов; поля вздымающейся плоти;
огромные монолиты, сложенные из
отполированных костей.

Леонид заметил, что их путь ведет к
горному хребту -- мрачному, затянутому
пеленой дыма, -- вершины

которого терялись в сиянии неба или
скрывались за темными облаками. Столбы
дыма поднимались и

над предгорьями, причем этот дым
казался разумным: словно подчиняясь
чьему-то приказу, он

клубился так, чтобы скрыть от
посторонних глаз как ужасы, так и чудеса,
которые таились на сумрачных
склонах.

С каждым днем злобеще горы

становились все ближе, и Леонид со страхом понял, что именно туда они и направляются. С той же пугающей уверенностью он понял и другое: никто их них не переживет

подъем на эти жуткие вершины. Каждый раз, когда у него появлялась возможность выглянуть из

лабиринта фортификаций, Леонид смотрел на эти горы, чувствуя отвращение и при этом не в силах

отвести взгляд. Цитадель на Гигре Кордатус построил забытый, но гениальный архитектор, но даже тот

шедевр инженерной мысли казался пустяком по сравнению с уродливыми фортификациями этой

планеты: песчинка против титанической громады. Леонид сомневался, что найдется такая армия, которая

сможет пробиться через эти редуты или сокрушить такие стены.

Но наконец их путешествие закончилось. Перед ними был прямоугольный загон не

меньше километра

в ширину и двух в длину: огороженная
земляная площадка, вход на которую
преграждали ворота,

опутанные колючей проволокой. Где-то
вблизи раздавались крики -- плач и
стенания проклятых. От

этого звука Леонида бросило в дрожь,
крики словно пронзали его череп
невидимыми осколками

стекла. Земля, оказавшаяся неожиданно
вязкой и мягкой, сочилась красной
жидкостью. Леонид

пристотрелся -- и понял, что она
пропитана не водой, а свежей кровью, и
сквозь алую почву

просвечивают белые кости и черепа.
Невообразимо. Сколько же людей здесь
погибли, что почва на

столь огромной территории уже не
может впитать их кровь? Сколько их
отдали свою жизнь, чтобы

утолить омерзительную жажду этой
теплой, безрадостной земли?

Внутренности Леониды опять пронзили
спазмы; несмотря на то, что желудок его
был пуст,

отвратительный запах свежей крови все
равно спровоцировал рвотные позывы.
Сержант Эллард помог

ему удержаться на ногах, и они пошли по
толстому деревянному настилу в центр
загона.

Неужели это конец? Неужели эта
площадка — место казни? Значит,
пленников привели сюда, чтобы

добавить их кровь к той, что уже
пролилась из тысяч тел? Леонид страхнул
руку Элларда. Какую бы

судьбу им ни уготовили Железные Воины,
он встретит ее, твердо стоя на ногах без
чужой помощи.

Когда они приблизились к центру, Леонид
увидел, что из пропитанной алым землей
выступает глинная

полоса рокрита; вдоль нее, пересекая всю
арену, протянулся рельсовый путь. Когда
пленные

джүранцы поднялись по ступеням на
рокритовую платформу, они наконец
увидели источник криков.

Шпалы, на которых держалось
железнодорожное полотно, корчились от
мучительной боли, так как

сделаны они были из тел и конечностей,
спрессованных в одно целое с помощью
темного волшебства.

И все они кричали словно в горячем
бреду, и вопли их сливались в нестройный
хор, напоминая

плач банши. На поверхности шпал
проявлялись то глаза, то рты,
исполненные мучений, — и сразу

исчезали, чтобы следующая душа могла
рассказать о своем бесконечном
страдании.

При виде этой пытки некоторые пленники
плача падали на колени, их рассудок, и так
уже истерзанный, не мог выдержать
подобного. Обакс Закайо толкнул безумцев
с платформы, и несчастные со

всплеском погрузились в алую жижу. Едва

они оказались внизу, как из темной земли
протянулись

костлявые руки; пальцы скелетов хватали
людей и одного за другим утаскивали под
землю навстречу
неведомой судьбе.

Леонид пытался заставить себя не
слушать булькающие крики тех, кто
тонул в кровавой почве, кто
должен был стать пищей для ненасытных
призраков, таящихся внизу. Он закрыл
глаза...

Хрупкие кристаллы переменных
тироздания сталкиваются и вибрируют,
разъединяя грани и

перемещаясь для того, чтобы
резонировать на других частотах. Это
времени позволяет граням

сместиться и измениться, преломляя
параметры реальности, чтобы те
позволили измерениям

разъединиться и сложиться вновь во всех
возможных вариантах.

...и, вскрикнув, тут же открыл их. У него

закружилась голова, и он схватился за
Элларга, чтобы устоять
на ногах.

-- Сэр?

-- Кровь Императора! -- прошептал Леонид,
оглядываясь. Земля всколыхнулась, и эта
грожа

тошнотворной вибрацией отозвалась в его
теле. Иззубренные кости, высунувшиеся из
земли, опять

погрузились в кровавую глубину, и люди-
шпалы заплакали от новых тучений.

В том месте, где рельсы исчезали в
стенах этой огромной арены, кладка
сочилась потоками

разноцветной слизи. Спирали мерцающего
света исходили от стены, образуя
огромную линзу.

Казалось, что стена растягивается,
словно некая сила пытается разорвать
платценту реальности. Когда

же это произошло, не осталось ничего,
кроме пульсирующего водоворота
непроглядной тьмы, а дорога

В аг была обратлена ожерельем из
пронзительно кричащих черепов, славящих
смерть.

Варп и реальность сошлись здесь,
соединились во времени и пространстве на
бронзовых рельсах. На

дороге, ведущей из Ниоткуда в Никуда,
Отфал Демониум вызволил сам себя из
небытия, чтобы

обрести тело. Он выполз из своего
дьявольского лона и ничего не принес с
собой, кроме насилия и
смерти.

Обакс Закайо застeyaлся, но Леонид слышал
в этом стехе затаенный страх.

Пришествие Отфала Демониума
свершилось.

Хотя сама плоть Леонида инстинктивно
предчувствовала, что приближается
небывалое зло, ощущения

смертного ни в малейшей степени не
могли передать истинное величие твари.
Словно вестник конца

времен, Отфал Демониум с ревом неся по

кровавым рельсам, приближаясь к
оцепеневшим
пленникам.

Некоторые попытались бежать --
погонщики убили их на месте. Другие
падали замертво от страха или
сжимались в комок на платформе, не в
силах контролировать свой кишечник,
словно младенцы. Сам

Леонид при виде чудовищного поезда
рухнул на колени.

-- Правильно, нужно проявлять почтение, --
одобрил Обакс Закайо.

Огромный паровоз с железными вагонами
мчался к платформе, работая поршнями
из костей,

разбрызгивая кровь и расточая тысячи
беззубых улыбок, -- черепа скалились со всех
поверхностей.

Локомотив был очень похож на древний
паровоз, но приводился в движение не
углем, а темными
силами варна. Состав несся с таким
грохотом, что отказывались служить все

доступные человеку пять

чувств. Звук многократно отражался от
стен разных реальностей, которые
пересекались в месте,

называемом Око Ужаса, -- месте, где
такие явления были нормой, а не
исключением.

За локомотивом шла цепь железных
товарных вагонов, изъеденных ржавчиной,
больше стахивающей

на запекившуюся кровь и экскременты.
Леонид чувствовал -- знал, -- что в этих
адских вместилищах

заперты миллионы душ, которые несутся
навстречу смерти по прихоти дьявольской
машины. Отфал

Демониум сбавил обороты, вызвав у людей
финальный вопль за пределами
слышимости, и

остановился у края платформы.

В полной мере ощутив величие зла,
воплощенного в этом демоническом
механизме, Леонид заплакал

кровавыми слезами, а его кишечник и

точевой пұзырь непроизвольно
опорожнились. Ему слышался
раскатистый хохот, а затем гверчи
вагонов с противным лязгом открылись.
Красноватый пар с
шипением вырвался из-под панцирной
шкұры Отфала Демониұта, и Леонид
перекатился на спину.

Вновь прозвучал раскат злорадного смеха,
клубы пара начали расползаться, словно
затышляя

недоброе. Но мере того как пар
приближался к испуганным рабам на
платформе, его облака

становились все плотнее. Сгусток тумана
обхватил одного из плачущих невольников
и поднял его с

земли; это послужило сигналом для
других, и тело несчастного в один миг
оказалось окутано паром,

который, как голодный хищник, впитывал
в себя плоть, пока от человека ничего не
осталось.

Затем клубы пара исчезли, и оцепеневший

Леонид увидел, что на их месте возникло
восемь фигур,

огатых в бесформенные робы и высокие
сапоги; каждое из этих существ несло
множество жутких

инструментов -- ножей, серпов и пил на
кожаных ремнях.

Их лица только очертаниями напоминали
человеческие, поскольку кожа с них была
содрана, а на

сатих черепах держалась лишь благодаря
грубым швам. Существа крутили
головати, как будто

охотились по запаху, и Леонид смог
рассмотреть их подробнее. Оказалось, что
лица вообще не имеют

характерных черт, поскольку, кроме
растянутых ртов с клыкатами, у этих
существ не было ничего -- ни

глаз, ни ушей, ни носов, на месте которых
были только похожие на опухоли наросты.

Существа приблизились к пленникам и,
руководствуясь неведомой логикой, начали
выхватывать

людей из толпы. Слова в жертве
позвоночник, они погружали клыки в
почерневшую раковую ткань у

нее на шею и высасывали содержимое.
Леонид зажал уши, чтобы не слышать их
отверзительного

чавканья, а когда одна из тварей прошла
рядом, почувствовал прилив угнетающего
страха, хотя до

этого думал, что сильнее испугаться уже
невозможно.

Уродливая торга повернулась к нему,
опухлые наросты раздулись от
предвкушения, черные

пальцы схватили Леонида за локотья, в
которые превратился его китель, и
вздернули на ноги.

Пленнику показалось, что его обложили
кусками гнилого мяса, кишящего жирными
червями.

Мертвенное лицо придвинулось совсем
близко, дыхание твари было страдным до
тошноты. Она

мотала безглазой головой из стороны в

сторону, как будто приныхаясь и
стараясь определить,
насколько хорошей добычей он станет.

-- Ты нравишься саркоматам, -- прошипел
Обакс Закайо. -- Они являются
воплощением физического
разложения, а потому опухоли на твоём
теле для них настоящее лакомство.

Тварь потянулась клыкастым ртом к его
шее, и Леонид уже приготовился к смерти,
но Отфал

Демониум, похоже, имел на него свои
виды, и простое уничтожение в эти планы
не входило.

Демоническое создание нетерпеливо
рыкнуло, его слуга зашипел в ответ и
выпрыгнул Леонида внутрь

первого вагона, пол которого был скрыт
под слоем разлагающейся плоти и
экскрементов.

Утолив свой противоестественный голод,
саркоматы погнали к поезду и остальных
пленников, а когда

вагоны были набиты под завязку,

запечатали двери.

-- Как думаете, куда они нас везут? --
спросил Элларг.

-- Не знаю, сержант, -- ответил Леонид, --
но этот подонок Обакс Закайо упоминал
какое-то имя. Хонсю, кажется.

-- Хонсю?

-- Да, что-то вроде.

-- Это имя я уже слышал, -- сказал Элларг.

-- Да? Где же?

-- На тюремном транспорте по дороге
сюда. Кажется, именно он командовал
армиями на Гигре

Коргатус.

Леонид содрогнулся, вспомнив облик
командира Железных Воинов, стоявшего у
стен цитадели.

Капитан Эшара сказал, что это Кузнец
Войны, и Леонид прекрасно помнил
тошнотворный ужас,

который охватил его при виде этого
древнего и грозного воина и испещренного
рунами знамени,

которое он нес. Если их нынешнее путешествие в зловонном аду вагонов действительно завершится во

владениях столь чудовищного создания, то, возможно, смерть от рук саркоматов была бы не такой уж плохой альтернативой.

Почти сто человек теснились в вагоне, рассчитанном на половину их числа, и вонь внутри была

невыносимая. В такой тесноте можно было только стоять, вплотную прижавшись к соседям, и места

едва хватало, чтобы хоть слегка пошевелиться. Кто-то плакал, кто-то стонал, на грязных досках

вагонных стен мелькали всполохи света, а демонический локомотив, гроыхая, взбирался все выше в горы, к тьме.

Запах дыма и электрический привкус в воздухе напояли Леонида о том дне, когда он оказался в

недрах Храма Машины в цитадели. Он

выглянул в одну из щелей в стене вагона и
постарался

рассмотреть хоть что-нибудь в ярком
свете снаружи. Мимо проносились
покрытые наплот скалы,

из-под колес, в которых были заключены
проклятые души, вырывались зеленые
искры.

Темная завеса облаков приближалась,
иногда сквозь прорехи в ней можно было
увидеть тревожные

очертания зубчатого пика, бастиона или
ощетинившегося орудиями редута. Поезд
начал долгий

плавный поворот, и Леонид увидел, что
они едут по невообразимо огромному
мосту. Тысячи балок и

ферм складывались в конструкцию,
которая, презрев гравитацию, соединяла
два края бездонной

пропасти. В ее глубинах клубился туман,
сверкали молнии и слышались хриплые
крики каких-то

крылатых тварей.

-- Нужно выбираться отсюда, сержант.

-- Согласен, но как?

-- Пока не знаю, но если останется, мы покойники.

-- Все хорошие бойцы, кого я знал, погибли в стычке в кузнице. С боеспособностью у нас неважно.

-- Думаешь, я этого не понимаю, Элларг? -- со злостью сказал Леонид. -- Но лучше смерть при попытке к

бегству, тем то место, куда нас везут. В кузнице Обакса Закайо было ужасно. Не хочу выяснять, каким окажется этот Хонсю.

Элларг кивнул и, устало прислонившись к стенке вагона, посмотрел на безрадостную панораму

снаружи. Вокруг его глаз пролегли глубокие морщины, и Леонид впервые заметил, как сильно осунулся

его сержант. Как и большинство офицеров, Леонид во многом полагался на сержантов и в первую

очередь -- на Элларга; тягостно было

увидеть, во что превратился этот некогда
могучий мужчина.

Внезапно Леонид почувствовал, что до
стерти устал. Глаза сами собой начали
закрываться, он зевнул и

не смог заставить себя пошевелиться,
даже когда слышались приглушенные
хлопки, похожие на

выстрелы.

-- Сэр, пригнитесь! -- крикнул Эллард и
потянул его на пол. В набитом битком
вагоне это было непросто, но сержант,
хоть и измотанный лишениями, все равно
был сильнее многих.

-- Проклятье, что ты делаешь? --
возмущился Леонид.

-- Не высовывайтесь!

Леонид перекатился на бок, и в это время
стены затрещали под градом пуль,
которые оставляли в

планках дыры размером с кулак. Полумрак
вагона пронзили лучи света, и
траекторию каждого снаряда

можно было увидеть по кровавому следу.

который он проложил в толпе. Попадавшие
на линию огня

дергались, словно безумные марионетки, и
вагон наполнился кровью, криками и
дымом. В давке

убитые так и оставались стоять,
наваливаясь на живых; крови было столько,
что она залила весь пол и

начала вытекать из-под дверей.

Леонид услышал, как что-то загрохотало
по крыше.

-- Что происходит?

-- Кажется, нас атакуют. Или спасают. Не
уверен, но что это больше похоже.

Три искрящихся клинка проткнули
медную обшивку крыши, и огромная рука
отогнула металл, словно

это был лист бумаги. Фигура, контуры
которой четко выступали на фоне
ослепительного неба, была

облачена в угольно-черный силовой доспех
и казалась гигантской. Костиный
десантник...

То, что затем прокричал незнакомец,

всколыхнуло в пленниках надежду:

-- Рабы, поднимайтесь! Поднимайтесь и дайте отпор Железным Воинам!

Леонид встал на ноги, чувствуя прилив сил оттого, что его молитвы были услышаны. Костюгосантник

посмотрел в сторону локомотива и добавил:

-- Быстрее! Саркоматы скоро будут тут.

Истерически стаясь одновременно от страха и облегчения, Леонид начал карабкаться вверх, к

свободе. Отверстия в стене, оставленные выстрелами, облегчали подъем, и вскоре он уже просунул

голову в прореху в крыше и с наслаждением почувствовал, как освежающий поток ветра ерошит

волосы. Подтянувшись, он выбрался на крышу вагона и, встав на колени, протянул руку Элларду.

Над головой сияло белизной небо, а черное солнце тянулось темными лучами за очередной горный

хребет. Услышав, как костогесантник
втягивает энергетические когти в
перчатку, Леонид заставил себя
отвести взгляд от далекого пейзажа и
вместо этого пристотрелся к воину. Его
доспех, покрытый
вмятинами, царапинами и заплатками,
мало походил на обычно надраенную до
блеска броню
Цлперских Кулаков, которых Леонид
видел на Гигре Кордату. Горячий пар
поднимался из сопел его
прыжкового ранца, а на наплечниках
протатривалось белое изображение
хищной птицы,
перечеркнутое красным крестом. Такой
же рисунок был и на визоре шлема.
На крышах других вагонов было еще
несколько костических гесантников, все в
доспехах разных типов
и цветов и с символами разных орденов на
наплечниках. Они вытаскивали пленников
наружу и
направляли их в конец состава; Леонид

глянул в грязную клетку, из которой
вырвался, -- и понял, что

только они с Элларгом последовали
приказу выбираться. В вагоне еще
оставалось около сорока

человек, которые смотрели на воина с
ужасом.

-- Кто ты? -- спросил Леонид, перекрикивая
шум ветра.

-- Аргарик Ваанес из Красных Корсаров, --
ответил воин, доставая пистолет. --
Спрячьтесь за меня.

Из всех сил цепляясь за обшивку крыши,
Леонид и Элларг поползли вдоль вагона.
Один

неосторожный взгляд вниз -- и у Леонида
закружилась голова от вида бездны, над
которой мчался

демонический поезд. Он перекатился на
спину как раз вовремя, чтобы заметить
Обакса Закайо,

который карабкался на крышу.

-- Осторожнее! -- крикнул джуранец, когда
потрескивающий энергетический кнут

взвился для удара.

Заслоняясь от атаки, Ваанес поднял руку, и кнут обвился вокруг нее, вспыхнув электрическим

разрядом. Воин застонал от боли и выронил пистолет, который скользнул по крыше к краю вагона.

Костодесантник попытался прочь от огромного Железного Воина и быстро оглянулся на Леонида с

Элларгом:

-- Пробирайтесь вперед! Нужно остановить локомотив, пока мы не доехали до форпоста крепости.

Идите же!

Обакс Закайо вновь хлыстнул кнутом, и Ваанес упал на колени. Элларг и Леонид поползли вперед, к

торцу вагона; тем временем Железный Воин с грохотом шагнул к бившемуся в конвульсиях

противнику, механическая клешня выдвинулась, чтобы сломать ему шею.

Взревев, Ваанес попытался достать

Обакса Закайо молниевыми когтями, но
тем способом отбил удар и
соткнул пальцы клешни на горле врага.

-- Как вы, ренегаты, смеете красть рабов,
предназначенных для Кузнеца Войны
Хонсю? -- зарычал Обакс

Закайо. -- За это вы умрете.

Клешня сжалась, и даже сквозь вой ветра
Леонид услышал, как трещит керамика.
На самом краю крыши

что-то металлически блеснуло на солнце
-- пистолет, который обронил костический
десантник.

Леонид подтянул оружие к себе, поражаясь
его размерам и весу. Слишком тяжелый,
чтобы удержать в

одной руке; он перекатился на спину,
прижал пистолет к груди и опустил
ствол на предплечье, но даже

так отдача выбила оружие из рук, едва он
нажал на спусковой крючок. Леонид еле
успел дотянуться до

пистолета, чтобы не дать ему
соскользнуть в пропасть.

Но выстрел получился точный -- по крайней мере, достаточно точный, чтобы повлиять на исход боя.

Снаряд попал в визор Обакса Закайо, отчего воина развернуло на месте. Клешня на горле Ваанеса

разжалась, и он быстро встал на ноги.

-- Быстрее! -- Космогесантник указал на железнодорожные пути. -- Я же сказал вам остановить поезд до

того, как он достигнет форпоста!

Обернувшись, Леонид встопрепился в завесу стога впереди -- и не поверил своим глазам. Во тьме

выднелась крепость, встроенная в самую плоть горы архитектором, который не знал ограничений

здравого рассудка и в качестве материалов использовал кошмары. Шпили ее башен пронзали небо, а

ворота казались оскаленной пастью; именно в ее глубинах исчезал рельсовый путь, по которому ехал

Омфал Демониум. В темном,

пропитанном кровью катне стен
светились, обжигая глаза, прожилки
неестественных цветов, которым не было
места в нормальном мире. Над башнями
плясали дуги

толний и грохот огромных машин,
работавших внутри, громовым эхом
разносился по округе. И это был
всего лишь форпост?

-- Кровь святая! -- прошептал Элларг.

-- Точнее не скажешь, -- согласился Леонид.

Лязг оружия за спиной и вид
циклопической крепости впереди
напомнили джуранцам, что медлить

нельзя. Они подползли к краю вагона и
почувствовали тлетворную ауру вечной
боли, которая волнами

исходила от детонического локомотива.
У Леонида потекла кровь из носа и ушей,
но он все равно

поднялся на ноги, готовясь перебраться на
локомотив. Между ним и вагонами
располагался

залапанный кровью тендер, поверху

наполненный расчлененными трупами,
мелькая в клубках алого
дыма, валившего из трубы грохочущего
локомотива, саркоматы лакомились
мертвечиной.

— Нужно двигаться быстро, — сказал
Эллард.

Леонид кивнул, сглотнул подступившую
тошноту и спрыгнул на груды тел. В этот
момент тендер

накренился, и он упал, успев выставить
руки перед собой и по колено погружаясь в
мешанину из

отрубленных конечностей. Эллард
приземлился рядом и помог ему встать;
вместе они двинулись

вперед, осторожно пробираясь через
нагромождение тел. От трупных газов и
кровавого тумана в

воздухе было трудно дышать, а дым,
клубившийся вокруг, был явно плотнее, чем
положено подобной
субстанции.

— Император помилуй, — пробормотал

Элларг, увидев, что наступил на оплывшее
лицо мертвеца.

Леонид с облегчением достиг
противоположного конца тендера, но глаз с
клубов дыма не спускал. Он

перебрался через бортник вагона и уже
повернулся, чтобы поточь сержанту, когда
в дыму возникло

призрачное лицо -- безкожая маска, на
которой выделялся клыкастый рот.

-- Быстрее! -- заорал Леонид. Он отбросил
за спину пистолет, который взял у
Ваанеса, и потянул Элларга

к себе, но призрачные руки уже обхватили
плечи сержанта и тянули его в
противоположную сторону. К

счастью, саркомат материализовался не
полностью и потому не мог справиться с
двумя джуранцами:

подстегиваемый отчаянием, Леонид
рванул изо всех сил и вытащил Элларга из
тендера.

Они оба повалились на железную
платформу в задней части локомотива.

Внутрь вела обшитая медью

дверь, но Леонид не увидел ручки, с помощью которой ее можно было бы открыть, — в двери было

только решетчатое окно, из которого вылетали хлопья золы и тянуло вонью горелой плоти. Между тем

саркоматы, обретая все более ясные очертания и шипя в предвкушении свежего мяса, начали

выбираться из тендера.

Джуранцы прижались спинами к двери, Леонид опустился на одно колено, чтобы пододвинуть упавший

пистолет, и в этот момент саркомат бросился на него, целясь когтями в шею.

Прогрохотал выстрел, и демон лишился головы. Кровь брызнула на металл двери и тут же с шипением

испарилась, словно попав на раскаленный противень. Вся дверная коробка всколыхнулась, и стоило

Леониду прислониться к двери, как та распахнулась, как будто открылся

невыданный замок.

Леонид ввалился в машинное отделение, в котором было невообразимо жарко. Эллард не мешкая

последовал за ним и захлопнул дверь, которая прогнулась под напором саркоматов, не желавших

отказываться от добычи. Пошатываясь, Леонид выпрямился; он физически ощущал голод этих тварей.

Но даже отвратительные саркоматы не шли ни в какое сравнение с тем местом, где оказались

гжуранцы. Машинное отделение локомотива противоречило всем представлениям о геометрии и

пространстве и напоминало огромную пещеру -- больше, чем кузница-храм Обакса Закайо -- с

красными сводами, которые терялись в дыму. На другом конце помещения полыхала огромная топка,

за которой следил гигант в громоподобной доспехе из железных листов и толстых

күсков

вулканизированной резины. Поверх древней брони он носил заскорузлый от крови фартук, на голове --

корону из железных шипов. Из-под поднятого забрала доносились бессвязное бормотание и глухие

проклятия. Существо подошло к скоплению цепей, блоков и ржавых крючьев, с насаженными на них

человеческими телами, поддело один из обезглавленных трупов глинным тесаком и бросило его в

топку; локомотив двигался благодаря плоти и крови, превращая их в золу.

-- Вот так, -- прохрипело существо. -- Не нужны мне ни слова, ни заклинания. Словати пользуются

слабаки, магия плоти -- вот в чем сила. Плоть и кровь кормят тебя, а я -- направляю.

-- Что это за чертовщина? -- прошептал Леонид, нервно оглядываясь на грохочущую дверь. Хотя он

говорил тихо, гигант замер, а затем
быстро повернулся к ним, угрожающе
подняв тесак.

-- Так-так, саркоматы стучатся в двери, а
мясо само пришло, чтобы залезть в топку?
Хорошее мясо,
годное. Лучше, чем наша обычная
мертвечина.

-- Кто ты? -- спросил Леонид и снова
поднял пистолет.

-- Я-то? -- переспросил гигант, помахивая
ножом. -- Забойщик я. Из Железных Воинов.
Режу и крошу,

крошу и режу. Плоть для машины, кровь
для шестеренок, мясо -- в топку.

Топка отозвалась рычанием, и языки
пламени вырвались наружу, безуспешно
пытаясь обжечь спину

гиганта. На это он лишь растеялся,
заставив джуранцев вздрогнуть:

-- Ну уж нет, дедон, твои кости тебе не
достанутся. Бесись сколько угодно, но я
беру свежее мясо, а тебе
достанется мертвечина.

-- Ты топчишь ее трупаму? -- поразился Эллард, не в силах скрыть отвращение.

-- Да, демон ест мертвяков, живые -- для меня. Вот два крюка, я вас аккуратно разрежу, выпотрошу и

выпью кровь. Уди сюда, хорошее мясо, ну же.

Забойщик потанил их латной перчаткой, покрытой засохшей кровью.

-- Это вряд ли, -- ответил Леонид, наводя на него пистолет Ваанеса. -- Останови поезд, и я не стану тебя убивать.

Забойщик хохотнул, покачал головой и сделал шаг к Леониду.

-- Убивать? Меня? Нет, мясо, мы с тобой и говорить не будем, ты просто умрешь.

Леонид выстрелил, и болт попал точно в грудь Забойщику. Посыпались искры, по фартуку потекла

пенистая жижа, и разъяренный гигант зарычал:

-- Ты меня подстрелил, и теперь я буду резать тебя медленно, кусок за куском. Ты

бѣдѣшь вопить, а я

скормлю тебе твои же ноги и руки, а потом отдам Омфалу Демониуму, и ты узнаешь настоящую боль.

Леонид выстрелил снова, но на этот раз Забойщик сумел отбить снаряд тесаком -- и сам бросился в

атаку, подняв огромный клинок для удара, который раскроил бы джуранца нагвое.

Леонид нырнул в

сторону, и опустившийся тесак оставил в полу глубокую борозду.

Эллард обошел Забойщика с тыла, отчаянно оглядываясь в поисках хоть чего-то, что можно

использовать как оружие; Леонид выстрелил еще раз, но промахнулся -- вместо противника с влажными

хлюпаньем разлетелись на куски трупы, подвешенные на крючьях.

-- Нет! -- заорал гигант. -- Только не мертвяки! Плохое мясо, порубить бы вас побыстрее.

Чувствуя за спиной другие тела, Леонид

выпустил очередь по трупам,
подготовленным к путешествию
в топку. Забойщик развернулся с гневным
возгласом и, орудуя тесаком, начал
прорубать себе путь к
противнику сквозь ряды подвешенных трупов.
Леонид не переставал стрелять, пока не
щелкнул

опустевший магазин. Вокруг него
раскачивались и звенели цепи; с
потемневших крючьев срывались
куски плоти. Одна из цепей соскользнула с
блока и с лязгом рухнула на пол. Забойщик
оттолкнул

последний труп на своем пути и оказался
лицом к лицу с джуранцем. Краем глаза
Леонид заметил

Элларда -- тот стоял рядом с рычагом,
управлявшим цепным блоком. Позади
Забойщика шинела
изголодавшаяся топка.

Леонид поднял упавший крюк и выставил
его перед собой как оружие.

-- Ты плохое мясо, не будет тебе

аккуратной разделки. Будет хрясь-хрясь и
мертвечина.

Забойщик наклонился, и Леонид наконец
смог разглядеть его лицо, частично
скрытое коническим

рогатым шлемом. Его одутловатые
невыразительные черты казались до
странности детскими, во рту

выднулись пеньки гнилых зубов, а в
красных слезящихся глазах читалась
слепая жестокость.

Прежде чем гжуранец успел увернуться,
гигант схватил его одной огромной лапой
и оторвал от пола.

— Незодное мясо, даже клинок об тебя
марать не буду, просто загрызу.

Челюсти Забойщика раздвинулись, словно
он намеревался заглотнуть жертву
целиком, из пасти

пахнуло зловонием гниющей плоти.

Чувствуя, как подступает тошнота,

Леонид в отчаянии лягнул

чужовище в живот, а когда челюсти
приблизились, замахнулся крюком.

Хрустнула кость, и острое крюка, пробив челюсть, вышло из глазницы гиганта.

Забойщик взревел от боли и выронил Леониду; Эллард лихорадочно крутил ручку лебедки, и цепь,

прикрепленная к крюку, туго натянулась. Выпустив тесак из рук и истекая черной кровью, Забойщик

попытался выдернуть крюк и ослабить натянутую цепь.

Но Эллард времени не терял: он продолжал выбирать цепь скрипучей лебедкой, тем самым

подтягивая гиганта все ближе к топке. Теперь существо кричало не гневно, а жалобно, но жалеть этого

каннибала Леонид не собирался.

Топка выбросила новые языки пламени, и на этот раз Забойщик завопил, когда они дотянулись до его

спины. Он задержался еще сильнее в попытке освободиться, но дэмон не собирался выпускать добычу.

Ослепительно яркий огонь охватил

Забойщика, и его затянуло в раскаленную
часть камеры сгорания.

Толстая железная дверь захлопнулась за
ним, и голодный демон, обитавший в
топке, обрушил весь
накопившийся гнев на своего мучителя.

Как только железная створка закрылась,
движение огромных поршней из костей
начало затедляться и

из клапанов вырвались струи обжигающе
горячего пара. Оранжевое свечение,
исходившее от топки,

поблекло, очертания машинного
отделения стали постепенно
возвращаться к привычным для
человека измерениям.

Леонид рухнул на колени: он безмерно
устал и уже не мог справиться с ужасом
последних дней.

Пошатываясь, Эллард подошел к нему и
протянул руку:

-- Поверить не могу, но мы с ним
справились.

-- Да, сержант. Отличная работа.

-- У мне так кажется.

Леонид обернулся к двери, которая вела в машинное отделение: по какой-то неведомой причине

саркоматы с другой ее стороны затихли. Может быть, своим существованием они были обязаны

демону, заточенному в тонке, или даже самому Забойщику? Стоило Леониду подумать об этом, как

дверь с грохотом распахнулась, и на пороге возник Аргарик Ваанес.

-- У вас получилось, -- в его голосе прозвучало удивление.

-- Получилось, -- подтвердил Леонид. -- А ты сумел убить Обакса Закайо?

-- Не сумел, но здесь его больше нет -- как нет и остальных вагонов.

-- О чем ты? -- спросил Леонид и захромал к двери.

Выйдя из логова Забойщика, они с Эллардом увидели, что от всего состава остался только тендер. В

нем расположились потрепанного вида

костюгосантники; остальные вагоны исчезли.

-- Проклятье, что ты наделал? -- Леонид сорвался на крик. -- Я думал, вы пришли нас спасти!

-- Нет, -- ответил Ваанес, -- спасти мы вас и не собирались. Мы хотели лишь не дать Железным Воинам

пополнить число рабов в оружейных мастерских. Без рабов они не смогут делать оружие, чтобы сражаться с нами.

-- Ты убил их, -- заявил Леонид, осматривая железнодорожные пути в поисках хоть каких-то следов исчезнувшего состава.

-- Если бы твои товарищи знали, что ждет их в цитадели Хонсю, они бы поблагодарили меня за такое милосердие.

-- Милосердие? Подонок, это были мои солдаты! -- продолжал кричать Леонид. -- Я сражался с ними

плечо к плечу, а ты не поверил их

мужеству.

-- Они были уже не теми, с кем ты привык
играть в бой, и ты это знаешь. Они
сломались, но в тебе еще

осталась воля, я это ясно вижу. Если
хочешь, можешь пойти с нами и
отомстить Железным Воинам, но
реши скорее: мы уже внутри форпоста, и
стража скоро будет здесь.

Баанес перелез в тендер и положил руку
на ценное устройство.

-- Так ты с нами? -- спросил он.

-- С вами? Но мы даже не знаем, кто вы.

-- Когда-то мы были костическими
десантниками -- Агентус Астартес -- и
сражались во имя Императора,

но теперь мы сражаемся друг за друга.
Наши бывшие боевые братья называли бы нас
ренегатами, но

здесь и сейчас лучших союзников ты не
найдешь.

Леонид собирался было возразить, но
Элларг положил руку ему на плечо:

-- Возможно, он прав, сэр.

-- Он убил наших людей, сержант!

-- Знаю, и этого мы ему никогда не простим, но вспомните, что говорил капителян Вобан: «Враг моего

врага...»

-- Мой друг, -- закончил за него Леонид.

р.с. оказалось, что в этом рассказе и в "ЧСМН" Макнилл прибегнул к переработке вторичного сырья и

самодитировал целые куски, поэтому кое-где в этом переводе есть такие же отзвуки русского текста

"Черного солнца". Липчанскую пришлось шлифовать напильником, плюс в ее переводе не хватает

целых фрагментов. хм, у меня всегда было впечатление, что английское "Небо" несколько глинее...

таки правда.

...